

Теоретические проблемы исторического исследования

**П. М. Немирович-Данченко
«Двойное зеркало»: менталитет историка
как научный инструментарий**

Термин «менталитет» восходит к латинскому слову *mens, mentis*, основные значения которого таковы: 1) ум, мышление, рассудок; 2) благоразумие, рассудительность; 3) образ мыслей, настроение, душевный склад, душа; 4) сознание, совесть; 5) мысль, представление, воспоминание; 6) мнение, взгляд, воззрение¹.

Начиная с 1910 г. термином «менталитет» активно пользовался Люсьен Леви-Брюль, используя его в работах «Ментальные функции в первобытных обществах» (*Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*) и «Первобытная ментальность» (*La mentalité primitive*). Он указывает, что мышление «первобытных народов» (несмотря на всю условность этого термина) весьма значительно отличается от мышления народов «цивилизованных»; при этом очень важным является указание Леви-Брюля на тот факт, что пралогическое мышление также присутствует и в развитых обществах в виде некоей отдельной структуры человеческого сознания, которую исследователь назвал «коллективными представлениями»: «Представления, называемые коллективными, если их определять только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем

Немирович-Данченко Павел Михайлович, аспирант кафедры философии гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: pavnd@mail.ru

¹ *Словарь латинских крылатых слов*. М., 1988.

членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение; они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношениях своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности, их невозможно осмыслить и понять, путем рассмотрения индивида как такового»¹. И далее: «Изучение коллективных представлений и их связей и сочетаний в низших обществах сможет, несомненно, пролить некоторый свет на генезис наших категорий и наших логических принципов»².

Младший современник Леви-Брюля Эрих Фромм рассматривал массовое сознание с другой точки зрения: «Изучая реакции какой-либо социальной группы, мы имеем дело со структурой личности членов этой группы, то есть отдельных людей; однако при этом нас интересуют не те индивидуальные особенности, которые отличают этих людей друг от друга, а те общие особенности личности, которые характеризуют большинство членов данной группы. Эту совокупность черт характера, общую для большинства, можно назвать социальным характером. Естественно, что социальный характер менее специфичен, нежели характер индивидуальный. Описывая последний, мы имеем дело со всей совокупностью черт, в своем сочетании формирующих структуру личности того или иного индивида. В социальный характер входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни»³. Здесь мы видим иной, чем, например, у Фрейда, подход: психология «толпы» рассматривается Фроммом, как имеющая *социальные* корни. Его интересует не подсознание человека, связанное с различными аспектами сексуальности, которым пристальное внимание уделял Фрейд, а те черты характера, которые сформировались под

¹ Леви-Брюль Л. Психология мышления. М., 1980. С. 130–140.

² Там же. С. 133.

³ Фромм Э. Человеческий характер и социальный прогресс // Бегство от свободы (приложение). М., 1990.

влиянием *общества*, и являются, таким образом, модусами поведения человека в данном обществе. Важно подчеркнуть, что социальный характер в обыденной жизни остается во многом непрорефлектированным, ибо является для каждого члена конкретного социума чем-то совершенно естественным, само собой разумеющимся. Напротив, индивид, принадлежащий к другому социуму (например, иностранец) немедленно определяется, как «чужой», и ему предстоит долгий и сложный процесс «вживания» в местную культуру, чтобы стать хотя бы отчасти «своим».

Как справедливо указывает Р. А. Додонов: «Понятие ментальности или массового сознания... достаточно быстро вышло из употребления психологами – очевидно, их не удовлетворял слишком крупный для психологии масштаб описываемого данным понятием явления»¹. Такой массовый, социальный характер – это уже в большей степени территория историка, а не только психолога. И сам Фромм в классической работе «Бегство от свободы» выступает сразу в нескольких ипостасях: как историк он рассматривает процессы крушения феодализма и зарождения на его фундаменте новых формаций или приход к власти нацистов в Германии; как психолог он определяет особенности характера и структуры личности последователей Жана Кальвина или немецких рабочих середины 30-х гг. XX в.; как экономист он ищет истоки и основы современных рыночных отношений.

Итак, массовый, социальный характер – поле деятельности, на котором именно историк может собрать обильную жатву. Но историческая наука долго и с трудом принимала эту новую парадигму.

Марк Блок и Люсьен Февр – «отцы-основатели» «Новой исторической науки» (*La Nouvelle Histoire*) и журнала «Анналы. Экономика, общества, цивилизации» («*Annales. Economies. Societes. Civilisations*») – взяли на вооружение термин «менталитет», который использовал до этого Леви-Брюль.

¹ Додонов Р. А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. Запорожье, 1999.

Первая мировая война, революционные потрясения и социальные кризисы, следовавшие за ней, – все это повергло историческую науку в глубокий кризис. Со всех сторон посыпались обвинения в том, что историки не смогли «предсказать» события первых десятилетий двадцатого века, что история не заслуживает доверия, что это вообще не наука. Люсьен Февр отвечал на эти обвинения следующим образом: «Существуют две изначально несхожие сферы: сфера познания и сфера действия, область науки и область вдохновения, мир вещей, уже причастных к существованию, и тех, что еще находятся в процессе бурного зарождения... Разве могут достоверно установленные исторические факты подавить человеческую волю?»¹ Но историческая наука тем не менее нуждалась в глубоком реформировании. Февр указал возможное направление этих реформ: «Существует... давно уже смутно предвидимая возможность новых связей, взаимообогащающих отношений между двумя сферами... объективной сферой природы и субъективной сферой духа»².

Далее он задается вопросом: «Можно ли не стремиться к восстановлению истории, если все ее здание покрыто трещинами?.. Восстановление, но на какой основе? Не будем искать далеко: на прочной основе того, принято называть *человечностью*... Существует только одна история – история Человека, и это история в самом широком смысле слова»³.

Однако Февр и Блок, а вслед за ними и многочисленные их последователи, наполнили этот термин новым содержанием и применили его в своих работах, посвященных самым разнообразным периодам мировой истории. Необходимость этого «ментального» поворота в исторической науке Люсьен Февр обосновывал следующим образом: «История – наука о Человеке; она, разумеется, использует факты, но это – факты человеческой жизни. Задача историка: постараться *понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов... чтобы иметь возможность эти факты истолковать* (курсив мой. – П. Н.-Д.)»⁴.

¹ Февр Л. Бои за историю. М. 1991. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Выражаясь кратко, человек в нашем понимании является средоточием всех присущих ему видов деятельности; историку позволительно с особенным интересом относиться к одному из этих видов, скажем, к деятельности экономической. Но... предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности... а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является»¹.

Что же касается собственно определения ментальности, то его мы скорее обнаружим уже у второго поколения «анналистов» (Блок и Февр были, прежде всего, историками-практиками, стремящимися применить новую научную парадигму в конкретных исследованиях, а не дать ей четкую стратификацию).

Вот что пишет Жорж Дюби: «Ментальность – это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных [социальных] группах или стратах... сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»². Хорошо дополняют эту мысль Дюби и определение, которое дал ментальности А. Я. Гуревич: «Ментальность во многом – может быть, в главном – остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность... тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания – люди ими пользуются, обычно сами этого не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность»³.

Однако и у Гуревича проскальзывает мысль о том, что ментальность, если и не синоним общественного или массового сознания, то во всяком случае – его часть («ментальность... тот уровень **общественного** сознания»). На наш

¹ Февр Л. Бои за историю. С. 27.

² Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. 1991. С. 52.

³ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю (приложение). С. 517.

взгляд, это не совсем так, хотя различие между двумя понятиями достаточно тонкое. Начнем с очевидного: общественное сознание – как следует из самого термина – может рассматриваться лишь как принадлежность *человеческих сообществ*, более или менее крупных. Менталитет же может быть как индивидуальным, так и массовым (социальным, групповым, профессиональным, этническим). Из этого следует, что менталитет, по-видимому, – явление более универсальное, чем общественное сознание. Можно сказать, что менталитет – это, своего рода, **переработанное каждым конкретным человеком общественное сознание**. Всякий человек обладает своей собственной ментальностью, которая является как частью чего-то большего (социальной, групповой, этнической ментальности), так и несет в себе сугубо индивидуальные, характерные лишь для данного конкретного человека черты. Общественное сознание прорефлектировано и логически осмыслено; менталитет же находится вне логики, вне Рацио, о чем и сказано у Гуревича (см. выше). Различие же между ментальностью и психологией масс мы уже указали.

Опустим ряд промежуточных этапов и представим себе, что вышеуказанная ментальность уже воссоздана нами для какого-либо конкретного региона и какой-либо конкретной эпохи. Что дальше? Мы видим, что мировоззрение и мировосприятие этих людей разительно отличается от наших; мы видим, что их культура воспринимается нами как нечто чуждое и непонятное. Обратимся опять к замечательной статье Гуревича: «Историческое познание есть не что иное, как пытлиное, настойчивое и неустанное вопрошание современностью прошлого, т. е. постановка вопросов, волнующих нас, ныне живущих людей... Далее, и это особо существенно подчеркнуть, такой подход характеризуется постановкой перед человеческими творениями прошлого вопросов, какими сама культура прошлого не задавалась, и, очевидно, еще не могла задаваться. Тем самым оставленные нам памятники прошлого оказываются поистине неисчер-

паемыми»¹. Такой диалог культур невозможен без четкого и по возможности полного представления о ментальности изучаемого общества, поскольку последняя является своеобразным «базисом», основанием первой.

Кроме того, любой историк постоянно сталкивается в своей работе с психологической, ментальной стороной истории: «Ибо трудно найти такой исторический источник, который не нес бы на себе отпечатка ментальности создавших его людей. Поскольку все, что вышло из рук человека, будь то литературное произведение, деловой документ, ремесленное или промышленное изделие, произведение искусства, создано с участием человеческой психики, нужны лишь соответствующие “реактивы” для того, чтобы выявить ее черты и особенности. Историка может не интересовать ментальность сама по себе... но знание ее специфики... – неперемнное условие адекватной расшифровки того или иного исторического источника»².

Еще раз заостряю внимание на том, что ментальность сама по себе – категория целостная и нерасчленяемая «внутри самой себя». Но менталитет проявляется во внешнем мире выборочно, «пятнами» или «всплесками», в ответ на некое событие. Именно эти ментальные всплески и могут быть верифицированы, определены и стратифицированы исследователем, как некие ментальные «слои» или «страты». Исследуя тот или иной исторический документ, мы можем извлечь из него эти самые ментальные страты или уровни, определить, какие из них оказали наибольшее влияние на автора (авторов) данного текста, а какие – второстепенное. Речь здесь идет, прежде всего, о «масштабной» стратификации; т. е. мы можем выделить из текста «общественный» или «национальный», или «этнический», или даже «цивилизационный» ментальный пласт – наиболее общие установки и привычки мышления, характерные для крупных человеческих сообществ. Затем, постепенно «спускаясь вниз» по иерархической лестнице, мы можем обнаружить влияние, например, менталитета клана или

¹ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 59.

² Гуревич А. Я. Историческая наука... С. 57.

профессионального сообщества, городского квартала, семьи и, наконец, собственно личности автора, индивидуальных особенностей его мышления, логики, стиля повествования.

При этом важно помнить, что правильно сформулированный вопрос – это половина ответа. Историк должен прежде всего обратиться к тексту с определенным вопросом, посмотреть на текст под определенным углом зрения, и лишь в этом случае он может рассчитывать на адекватный ответ. Исторический источник необходимо вопрошать, иначе ответ вовсе не будет получен. Это означает, в частности, что для выявления ментальности историку приходится не верить непосредственным заявлениям людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, он должен докапываться до более потаенного пласта их сознания – пласта, который может быть обнаружен в этих источниках скорее против их намерения и воли.

В настоящее время можно выделить два основных направления в изучении ментальности. Для первого из них, которое продолжает традицию «Школы Анналов», обращение к проблеме ментальности, мировидения человека – это способ, метод изучения общественных и цивилизационных структур, исторического процесса в целом. Другое направление сосредоточилось на изучении собственно ментальностей конкретной эпохи. В рамках этого направления исследуются многочисленные ментальные аспекты такие, как отношение к жизни и смерти, любви и браку и т. п. Безусловно, жесткой границы между двумя этими направлениями нет. Напротив, их синтез позволит осуществить более глубокое и всестороннее исследование конкретного исторического отрезка.

В настоящее время в западной и отечественной историографии все более распространенной становится гипотеза о том, что историк не столько *изучает* прошлое, сколько *воссоздает* его: «Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его (курсив мой. – П. Н.-Д.). Он исходит из настоящего, и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое»¹. Гуревич сформулировал эту проблему несколько тоньше: «Несомненно, историк

¹ *Февр Л.* Бои за историю. С. 21.

живет в обществе и испытывает его воздействие, и в этом смысле его суждения не могут быть абстрагированы от умонастроений, движений мысли, характерных для его среды... Когда говорят, что историк создает свой собственный предмет, то в этом есть определенный смысл. На мой взгляд, смысл этот заключается в том, что историк формулирует проблему своего исследования. Она, разумеется, диктуется логикой исторического знания, теми трудностями, с которыми оно столкнулось. Вместе с тем проблемы, которые ставит историк, прямо или косвенно связаны с потребностями современной культурной и идеологической жизни... В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес. И поэтому естественно, что историк вопрошает прошлое от имени современности»¹.

Таким образом, картина мира историка, его ментальность, несомненно, влияют на тот образ прошлого, которое он рисует сперва в своем воображении, а затем переносит на бумагу. Описывая людей прошлого, их нравы и обычаи, их образ мыслей, историк под влиянием своего собственного культурного окружения невольно осовременивает их, вносит определенные искажения в «пространство истории», субъективизирует его.

Нам не дано увидеть прошлое таким, каким оно было на самом деле. Все наши знания и представления о нем – изначально, по природе своей, субъективны. Но степень искажения прошлого может варьироваться от полной и сознательной фальсификации до незначительных погрешностей, вызванных несовершенством инструментария исследователя. Все вышеперечисленное – это, действительно, одна из серьезнейших проблем исторической науки. Ряд современных историков-постмодернистов (Норманн Кантор, Хейден Уайт, Доминик Лакарпа) утверждают, что в силу своей крайней субъективности история вообще не может считаться наукой. В книге Н. Кантора «Изобретая Средневековье» утверждается, например, что социально-политические и

¹ Гуревич А. Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 24.

психологические свойства историка всецело определяют его интерпретацию той или иной проблемы Средневековья¹. Мы не будем сейчас подробно рассматривать все аргументы «за» и «против», а сосредоточимся на той, на наш взгляд, бесценной научной перспективе, которая открывается перед нами именно из-за вышеупомянутой субъективности процесса исторического познания.

Итак, напомним наш тезис о том, что любой историк встречается в своей работе с социально-психологической, субъективной картиной мира, которая присутствовала на тот момент у автора того или иного исторического источника. Те вопросы, которые историк задает источнику, формируют активный ответ последнего, и два этих встречных движения – исходящее от историка и исходящее от людей прошлого – встречаются и объединяются в некоем синтезе. Здесь уместно напомнить слова М. М. Бахтина о диалоге культур: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются... но взаимно обогащаются»².

Собственно, любое историческое исследование и представляет собой подобный диалог культур. Какие бы конечные цели ни ставил перед собой историк, каким бы инструментарием он ни пользовался, – та культура (и та ментальность), носителем которой он является, соприкоснется с культурой и ментальностью прошедших эпох. Историк не может отказаться от своего времени, он не может выйти за пределы своей культуры, чтобы беспристрастно рассмотреть чужую.

Следовательно, «если можно говорить об истории ментальностей, то, думается, есть основания говорить и о *ментальности историков ментальности* как о предмете

¹ *Cantor N. F. Inventing the Middle Ages*. N. Y., 1991. (Цит. по: *Гуревич А. Я. Территория историка*. С. 26).

² *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979. С. 334–335.

историографического и социально-психологического исследования»¹. Интерпретация прошлого, с которой мы сталкиваемся на страницах того или иного исторического труда, позволяет нам прочесть в ней такие тайны сознания и миропонимания автора, которые зачастую скрыты от него самого. Иначе говоря, работа историка может рассматриваться и историографически, и как самостоятельный *исторический источник*.

Итак, с одной стороны, рассматриваемый нами пока еще вполне абстрактный историк исследует некие аспекты прошлого, описывая, в том числе, и ментальность людей того времени. С другой стороны, в его интерпретации этой ментальности мы можем «прочесть» особенности его собственного мышления и менталитета, а следовательно, и ментальности его эпохи. Подобный алгоритм можно условно назвать *«двойным зеркалом»*. «Зеркалом» в данном случае является произведение историка, в котором, с одной стороны, отражается ментальность его времени, а с другой – ментальность прошлого, которое он изучает. («Двойное зеркало» историка можно считать развитием идеи Бахтина и Гуревича о «хронотопе», или «хронотопесе» – пространственно-временном континууме исторического исследования, который является одновременно и методом и *объектом* изучения историка.) «Серия вопросов, которые исследователь задает источникам, как бы пробуждает активный ответ последних, и оба движения – одно, исходящее от историка, и другое, идущее от людей прошлого, – встречаются и объединяются в некоем синтезе. Здесь перед нами действительно прямое взаимодействие мысли современного историка и умонастроений, верований, убеждений, смутных представлений людей, которые жили много столетий тому назад»². И далее: «Когда мы говорим о хронотопесе историка, то подразумеваем два пласта времени. Во-первых, это время, современное историку. Время его современности, с проблем которого начинается исследование и которое неизменно присутст-

¹ Гуревич А. Я. Историческая наука... С. 56.

² Гуревич А. Я. Историческая наука... С. 21.

вует на протяжении всех стадий работы исследователя. Но вместе с тем углубление анализа источников вводит историка в другое время, во время истории, во время, когда происходили те исторические явления, которые суть предмет его размышлений. Переключка времени прошлого, которое исследуется, со временем историка, в котором он исследует, эта переключка лежит в основе всего исследования. Но дело усложняется тем, что в исследование властно вторгаются еще и другие, так сказать, промежуточные пласты времени. Это те интерпретации, которые давались изучаемому явлению на протяжении периода, отделяющего прошлое от современности. В этих пластах мы наблюдаем различные интерпретации, различные концепции истории, включающие в себя и те факты, те сведения, которые историка в данном контексте занимают. Эти интерпретации культурами разных эпох, эти интерпретации историков, которые жили до нас, недавно и давно, – все они соприсутствуют в нашем исследовании. Здесь происходит постоянная переключка, взаимодействие и взаимовлияние различных времен»¹. Отметим, что Гуревич пишет о хронотопосе в целом; нас же интересует именно ментальная его составляющая.

Методологическую ценность подобного алгоритма можно охарактеризовать следующим образом:

1) «двойное зеркало» позволяет нам увидеть ментальность «в разрезе», ощутить, как менталитет автора, его умонастроение пробивается через строки научного исследования; увидеть, как его менталитет воздействует на картину прошлого, которое он воссоздает, и как, в свою очередь, ментальность людей прошлого воздействует на самого историка;

2) вышеописанный метод позволяет проследить эволюцию определенных ментальных установок того или иного общества, расчленив ментальность на слои, в определенном хронологическом порядке – от наиболее древних к относительно молодым;

¹ Гуревич А. Я. Историческая наука... С. 21.

3) Наконец, мы можем понять, как живет и развивается тот пространственно-временной континуум, который называется «исторической наукой», каковы его особенности, его прогностические возможности.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные достоинства особенно ярко проявляются в том случае, если наш гипотетический историк описывает прошлое того общества, *к которому принадлежит он сам*. Чем ближе и «роднее» историку народ, прошлое которого он изучает, тем более ярко и выпукло проявляется на страницах исследования его собственный менталитет, тем более отчетливо мы видим эволюцию менталитета национального – этого массива убеждений, верований и суждений, протянувшегося из прошлого в будущее.